

С $\frac{14}{377}$

$\frac{801-15}{2959}$

$\frac{801-88}{55099}$

ОРЕ
МИ И
5

ЗНАЧЕНІЕ СОБАКИ

ВЪ МИФОЛОГИЧЕСКИХЪ ВЪРОВАНІЯХЪ.

Д. Чл. Р. Р. Миллера.

1173

~~1177~~

МОСКВА.
Въ Синодальной Типографіи.
1876.

3400
Б

9936406-36
П. 119829

ЗНАЧЕНІЕ СОБАКИ

ВЪ МИФОЛОГИЧЕСКИХЪ ВЪРОВАНІЯХЪ.

Дозволено Цензурою. Москва, Августа 21 дня 1876 года.

306

Исторія человѣчества слѣдитъ съ особеннымъ интересомъ за важными открытіями и изобрѣтеніями, которыми определяется быстрый прогрессъ культуры. Длинный рядъ такихъ открытій отдѣляетъ современную цивилизацію отъ древней. Преніе историки начинали этотъ рядъ отъ періода, который принято называть патриархальнымъ, — періода, который изображаютъ священныя книги Евреевъ, гимны Ведъ у Индусовъ, мифологическія преданія различныхъ культурныхъ народовъ земнаго шара. Но успѣхи изученія старины въ XIX-мъ вѣкѣ значительно расширили кругозоръ историковъ. Мало по малу сложилось убѣжденіе, что и тотъ періодъ, который прежде считали первобытнымъ, предполагаетъ длинный рядъ предшествовавшихъ ступеней развитія, — и эти ступени уже отчасти намѣчены современной наукой. Преніе историки, обозрѣвая пройденную цивилизаціей дорогу, замѣчали на ней только ближайшіе верстовые столбы: телеграфъ, паровозъ, ткацкій станокъ, книгопечатно, порохъ и т. д. Современный историкъ, вооруженный новыми средствами науки, можетъ мысленно пройти далѣе назадъ пройденный путь. Минувя ближайшіе столбы, онъ читаетъ надписи на самыхъ отдаленныхъ, и эти надписи открываютъ ему яркую картину жизни предшествовавшихъ тысячелѣтій. Съ чувствомъ содроганія отвернулся бы романтикъ отъ этой картины древняго человѣчества: вмѣсто золотого вѣка, вѣка невинности и простоты, вмѣсто патриарха, окруженнаго любящей семьей, проводящаго дни свои въ занятіяхъ земледѣліемъ и скотоводствомъ и украшающаго свой досугъ поэзіей и созерцаніемъ природы, словомъ, вмѣсто идиллической пасторали, которою представлялась романтику жизнь перво-

бытнаго челоуѣка,—онъ нашелъ бы въ первобытномъ челоуѣкѣ голоднаго дикаря, каннибала, въ постоянной борьбѣ съ своими ближними, вѣчно преслѣдующаго или преслѣдуемаго. Нѣтъ у него опредѣленнаго жилища, нѣтъ семьи, нѣтъ одежды, чтобъ защищаться отъ холода, нѣтъ огня, чтобы варить пищу, нѣтъ домашнихъ животныхъ, которые обезпечивали бы его существованіе на завтрашній день, нѣтъ даже собаки, вѣрнаго помощника на охотѣ. Нравственный міръ его еще ужаснѣе: со всѣхъ сторонъ окружаютъ его враги—дикіе звѣри и еще болѣе опасный—челоуѣкъ. Для него не существуютъ красоты природы: онъ вѣчно на сторожѣ, за каждымъ деревомъ чувствуетъ скрытаго врага и, жадно высматривая себѣ добычу, постоянно страшится самъ стать добычей звѣря или своего ближняго.

Но не отвернется отъ такой картины не романтикъ. На инныя мысли наведетъ его она. Онъ будетъ съ любопытствомъ слѣдить за дикимъ представителемъ своей породы, войдетъ мысленно въ его интересы, будетъ слѣдить за всѣми перипетіями его борьбы за существованіе—и вынесетъ много поучительнаго для себя. Онъ увидитъ, какъ побѣдоносно выходитъ челоуѣкъ изъ этой борьбы съ природой одушевленной и неодушевленной, увидитъ, какъ мало по малу очищается его душевный и умственный горизонтъ, увидитъ, какъ челоуѣкъ примѣняетъ силы природы себѣ на пользу, какъ облегчаетъ себѣ жизнь, изобрѣтаетъ огонь, устраиваетъ жилище, приручаетъ животныхъ, откладываетъ запасы пищи, вступаетъ въ союзъ съ другими людьми, отличая между ними друзей отъ враговъ, увидитъ какъ мало по малу складывается семья, родъ, община, національность; увидитъ длинный рядъ успѣховъ, открытій, изобрѣтеній—и проникнется глубокимъ уваженіемъ къ физической выносливости и силѣ духа челоуѣческаго рода.

Однимъ изъ раннихъ шаговъ постепеннаго движенія культуры было прирученіе нѣкоторыхъ животныхъ. Мы такъ сжились съ мыслию, что домашнія животныя составляютъ необходимую принадлежность культуры, что съ трудомъ представляемъ себѣ время, когда теперешнія домашнія животныя еще не носили ярма, наложеннаго на нихъ челоуѣкомъ, съ трудомъ постигаемъ всю важность первыхъ успѣховъ прирученія. Между тѣмъ изслѣдованія челоуѣческаго быта въ пещерахъ земли и въ пещерахъ и наблюденія надъ жизнью современныхъ дикарей доказали, что нѣкогда люди не знали ни одного домашнего животнаго. По свидѣтельству европейскихъ путешественниковъ, у дикарей Андаманскихъ острововъ нѣтъ никакихъ ручныхъ животныхъ, даже собакъ *). То же отсутствіе домашнихъ животныхъ

*) Lubbock. Prehistoric Times, 3-d edit. p. 438.

нашли европейцы у дикарей Парагвая *). У другихъ дикихъ народовъ число домашнихъ животныхъ ограничивается одною собакой, которая, по общему мнѣнію историковъ культуры, была первымъ домашнимъ животнымъ и у культурныхъ народовъ **). Объ этомъ свидѣтельствуеетъ и доисторическая археологія и, какъ увидимъ ниже, языкъ. Собака стала первымъ товарищемъ челоуѣка на охотѣ, собака охраняла его спокойствіе, наконецъ, собака служила ему даже пищей. Собака—единственное ручное животное у дикарей Огненной земли ***). Австраліицы до сихъ поръ ѣдятъ собакъ ****); дикіе Маори держатъ собакъ исключительно для ѣды *****); жители Таити, по свидѣтельству Кука, откармливали ее на убой *****). Если мы вдумаемся въ эти и подобные факты, то поймемъ, какое значеніе имѣла собака для древняго челоуѣка, и насъ не удивитъ тотъ фактъ, что челоуѣкъ отдалъ собакѣ важное мѣсто въ кругу своихъ мнѣческихъ представленій. Переноса всю нехитрую обстановку своей жизни въ міеологію, челоуѣкъ не могъ не помѣстить туда и собаки, своего вѣрнаго помощника и сторожа. Мы остановимся на нѣкоторыхъ народныхъ вѣрованіяхъ, въ которыхъ играетъ роль собака.—остановимся на двухъ-трехъ чертахъ, потому что подробное изложеніе роли собаки въ міеологіи могло бы наполнить цѣлый томъ.

Прежде всего, скажемъ нѣсколько словъ о славянскомъ названіи собаки, потому что въ немъ мы находимъ лингвистическое подтвержденіе мысли, что собака была первымъ домашнимъ животнымъ. Въ первоначальномъ индоевропейскомъ языкѣ было одно названіе, отличавшее ручныхъ животныхъ отъ дикихъ, именно *pa* и *ku*, отъ глагольнаго корня *pa*—связывать, укрощать (откуда санскритск. *paśa*—связь, оковы, лат. *pa*х—миръ, т. е. союзъ, связь и др.). Въ санскритск. *paśu* значить скотъ, въ Zendск. также *paśu*, въ латинскомъ и литовскомъ съ первоначальнымъ звукомъ *k*—*pes* и *pekus*, гот. *faihu*, англосакс. *feoh*, др. верхне-нѣмец. *fihu*, новонѣмецк. *Vieh*. Обращаясь къ славянскимъ нарѣчіямъ, мы, къ удивленію, не находимъ этого общаго слова со значеніемъ скота, но со значеніемъ собаки: сел. пѣсъ, сербское *pas*, чешск. *pes*, польск. *pies*, наше пѣсъ. Этотъ фактъ археологіи языка такъ же краснорѣчивъ, какъ многіе факты доисторической археологіи. Собака у славянъ названа тѣмъ именемъ,

*) Lubbock, о. с. p. 530.

**) François Lenormant. Les Premières civilisations, I, p. 343.

***) Lubbock, о. с. p. 241.

****) Lubbock, о. с. 439.

*****) Lubbock, о. с. p. 462.

*** *) Lubbock, о. с. p. 478.

которым другие народы обозначали домашнее животное, скотъ вообще. Собака названа такъ, какъ скотъ по преимуществу, первый скотъ человѣка. Впрочемъ Славяне въ этомъ отношеніи не стоятъ особнякомъ отъ другихъ народовъ. У Индусовъ слово *раси* имѣетъ болѣе широкое значеніе нежели нашъ *скотъ*, и обозначало также собаку, — наприимѣръ, въ одномъ эпизодѣ Магабхараты *). Другое русско-польское названіе, неупотребительное у прочихъ Славянъ — *собака* — стоитъ въ тѣсной связи съ наиболее распространеннымъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Это — санскритское *śvān* (первонач. *kvan*), родит. пад. *śvānas*, бенгалск. *śvā*, мараттское *śvāna*, зендск. *срп* (имен. *срā*, род. *срnō*), ново-персид. *israh*, *isbah*, афганск. *срā*, *срn*, армянск. *shoun*, греч. *κῶν*, *κωνῆς* (ср. санскр. *śvānas*), лат. *canis* (изъ *svanis*), литов. *szū*, род. *szunės*, латышск. *šuns*, гот. *hund*-s, скандинав. *hundr*, и т. д. и т. д. **). Съ этими-то словами находится въ связи и наше *собака*, и филологія можетъ весьма близко опредѣлить эту связь. Собака — слово не славянское, а заимствованное. Съ этимъ согласны все лингвисты, придающіе значеніе звуковымъ законамъ. Русскіе Славяне заимствовали его съ востока у какого-то народа, говорившаго эранскимъ нарѣчіемъ. Доказательствомъ этому служить звуковой видъ нашего слова. Одно изъ существенныхъ свойствъ эранской фонетики состоитъ въ томъ, что она не допускаетъ группы *св* и звучъ *v* обращаетъ въ губной *p*, напр. санскр. *асва* — лошадь (лат. *equus*) — зенд. *асра*, санскр. *свā* (собака) — зенд. *срā*, санскр. *сванта* (наше *свѣтъ*) — зенд. *срента* и т. д. Славяне не знали этого закона, и потому изъ *сва* (перв. *kva*) не могли сдѣлать *собака*. Что у эранскаго народа, у котораго заимствовали русскіе Славяне названіе *собака*, это имя могло звучать очень сходно съ нынѣшнимъ русскимъ, видимъ мы изъ свидѣтельства Геродота. Въ 110-й главѣ первой книги, упоминая о кормилицѣ Кира Ковѣ, онъ говоритъ, что это названіе греческій переводъ медійскаго *Σταχῶ* и прибавляетъ: ибо собаку (*суку*) называютъ Медійцы *στάχ* ***). Въ эранскомъ происхожденіи Медійцевъ не сомнѣваются современные историки. Такимъ образомъ, нужно думать, что наиболее восточные изъ Славянъ заимствовали названіе *собака* у какого-то эранскаго народа, у котораго это имя звучало, вѣроятно, *спака*, и, какъ слово заимствованное, оно не пошло далѣе на востокъ и не вытѣснило общеславянскаго *пса*. Съ своей стороны мы увѣрены, что слово *собака* перешло къ Сла-

*) Lassen-Anthologia Sanscritica, p. 44, ed. Gildemeister.

**) См. A. Pictet, Les Origines Indoeuropéennes, I, 375. Justi, Handbuch der Zendsprache s. v. *срā*. Curtius-Grundzüge s. v. *κῶν* etc.

***) Γῆν γάρ κῶνα καίτοις ἀπὸς Μήδων.

вянамъ отъ Скивоовъ, въ которыхъ присутствіе эранскаго элемента мы считаемъ доказаннымъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, обращаемся къ значенію собаки у древнихъ народовъ Востока. Едва ли какой нибудь народъ былъ проникнутъ такимъ уваженіемъ къ собакамъ, какъ древніе Эранцы. Священная книга ихъ, Зендавеста, содержитъ много замѣчательныхъ предписаній о томъ, какъ праведный поклонникъ Агурамазды (Ормузда) долженъ относиться къ этому животному. Въ 13-мъ фаргардѣ Вендидада богъ Агурамазда говоритъ Заратустрѣ, своему пророку, слѣдующія слова: «Собаку создалъ я, о Заратустра! съ ея собственной одеждой, съ ея собственной обувью, съ сильнымъ обоняніемъ, съ острыми зубами, привязанную къ человѣку (*vīrōdgaonān-hem*) *) для защиты загоновъ (106—108)... Когда она здорова, когда она находится въ загонахъ (скота), когда она бодрствуетъ голосомъ (т. е. лаеетъ), — тогда не подходитъ къ веси ни воръ, ни волкъ, и не уноситъ изъ весей незамѣтно (имущество)» (111—113).

Если самъ богъ Агурамазда создалъ собаку для пользы человѣка и самъ объявилъ это пророку Заратустрѣ, то понятно предписаніе религіи о заботливости относительно ея. Въ томъ же фаргардѣ находимъ цѣлый рядъ постановленій, въ которыхъ религія Агурамазды беретъ подъ свою защиту это животное. «Кто убьетъ одну изъ этихъ собакъ — пастушью, деревенскую, охотничью и обученную (21), того душа, полная страха и болѣзни, идетъ изъ этого нашего (міра) въ міръ надземный (22)... и не можетъ другая душа его душѣ по смерти оказать помощь **), ибо страхъ и ужасъ внушаетъ она и тому міру ***» (24) и не помогаютъ ей обѣ собаки, стерегущія мость (Чинвать) ****) послѣ смерти, ради страха и ужаса, наводимаго ею (25).

Такимъ образомъ, человѣкъ, убившій собаку, по религіи Заратустры, лишится всѣхъ благъ будущей жизни: его не допустятъ до жилища праведныхъ двѣ собаки, охраняющія мость Чинвать, по которому душа достигаетъ этого жилища. За изувѣченіе собаки виновный подвергается на землѣ самымъ страшнымъ наказаніямъ. «Кто нанесетъ рану, говорится въ § 26 того же фаргарда, собакамъ, охраняющей скотъ, отрѣжетъ ей уши или ноги (27), а къ заго-

*) Шпигель переводитъ: *anhänglich an den Menschen* (Avesta, die heiligen Schriften der Parsen I 197. См. его же Commentar über das Avesta I, 310; Justi, Handbuch s. v. переводитъ: *den Menschen nachlaufend*. Цитаты текста приводимъ имъ по изданію Шпигеля 1853.

**) Переведено по Justi — см. Wörterbuch s. v. *baz*.

***) См. Spiegel Commentar z. Avesta I 300.

****) Мы читаемъ *срāna peshu pāna*, какъ Веестергордъ, а не *pišurāna*, какъ въ текстѣ Spiegel'a.

намъ подойдетъ воръ или волкъ и унесетъ, не будучи замѣченъ, имущество (28), то пусть виновный поплатится за потерю (29), пусть онъ поплатится за раны собаки наказаніемъ *Baodhvarsta* *) (30). То же наказаніе полагается за изувѣченіе собаки, принадлежащей деревнѣ (31—35). За тѣмъ слѣдуетъ перечисленіе разныхъ видовъ собакъ и наказаніе человѣка, наносящаго имъ раны, сообразуется съ большею или меньшею полезностію собаки.—Человѣкъ становится грѣшникомъ, не только убивая или калѣча собакъ, но и въ томъ случаѣ, если дасть имъ плохую пищу. Собака ставится на одну доску съ человѣкомъ: «Создатель! говоритъ Заратустра Агурамаздъ (§ 55 слѣд.):—кто собакъ, охраняющей скотъ, дасть плохую пищу, какимъ грѣхомъ онъ запятнываетъ себя?—На это отвѣчалъ Агурамазда: онъ такъ пятнаетъ себя, какъ тотъ, кто предлагалъ бы плохую пищу главѣ знатнаго дома въ этомъ тѣлесномъ мѣрѣ». Пища собаки, стерегущей добро, говорится далѣе (§ 77 и 78), должна состоять изъ молока, жира и мясныхъ блюдъ. Если собака перестала лаять и оказываетъ признаки бѣшенства, ее слѣдуетъ привязать и сдѣлать безвредною (§§ 80—и слѣд.); если же она, по небрежности хозяина, укуситъ когонибудь, то за рану укусившаго платится хозяинъ собаки наказаніемъ *baodhvarsta* (§87). Бѣшеную собаку слѣдуетъ лѣчить такъ же тщательно, какъ всякаго праведнаго человѣка, говорится немного далѣе (§ 99), а если она не хочетъ принимать лѣкарства, ей должно давать его насильно, распяливъ ей ротъ кускомъ дерева (§ 102). Если же она сорвется и бросится въ безпамятствѣ въ цистерну, колодезь, яму или рѣку и при этомъ причинитъ себѣ вредъ, тогда хозяева ея становятся грѣшниками пѣшотанусами (§ 105)**). Въ 15-мъ фаргардѣ говорится (§§ 10—15), что такъ же грѣховенъ становится человѣкъ, если дасть собакѣ кости, которыхъ нельзя обглодать, или слишкомъ горячую пищу, и если кости повредятъ собакѣ, застрявъ между зубами или въ горлѣ, а слишкомъ горячая пища обожжетъ ей пасть или языкъ. Въ той же главѣ находимъ рядъ предписаній, какъ слѣдуетъ обращаться со щенятами и ихъ матерью. Если собака никому не принадлежащая расположится гдѣнибудь со своимъ отродьемъ, ее долженъ содержать тотъ, кто живетъ ближе всѣхъ къ мѣсту, которое она избрала; если она расположилась въ стойлѣ верблюдовъ, ее содержитъ хозяинъ стойла, если въ конюшнѣ, хозяинъ конюшни и т. д. ***).

* *Baodhvarsta*—наказаніе за сознательный грѣхъ, состоящее, по позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, въ томъ, что осужденный разрывался поленою на части. Таково ли было и древнее наказаніе—неизвѣстно (см. Justi s. v.)

** *Peshōtanu-sündhaften Leib habend, leiblicher Sünder*. См. Justi s. v.

***) §§ 60—123.

Эти строгія религиозныя предписанія Зендавесты имѣютъ всѣ признаки глубокой старины. Они становятся понятны, если мы перенесемъ мыслію въ тотъ ранній періодъ культуры, когда безопасность и благосостояніе человѣка во многомъ зависѣли отъ собаки; когда она помогала ему на охотѣ, стерегла стада отъ волковъ, охраняла жилище отъ разбойника и вора. Религія Зороастра возела въ религиозное предписаніе уваженіе, которымъ пользовалась собака въ народѣ, — уваженіе, которое она приобрѣла полезностію, создаваемою всѣми. Отсюда понятно, что это, всего ранѣе прирученное, животное должно было занять и видное мѣсто въ мифологіи. Образъ собаки является среди самыхъ первобытныхъ олицетвореній обоготворенныхъ явленій видимой природы. Древніе Индусы, въ ведійскомъ періодѣ, представляли себѣ мѣсяцъ въ видѣ небснаго пса. Небеснымъ псомъ называется онъ прямо въ *Атхарва-Ведѣ* *). Это олицетвореніе вполне понятно. Младенческая фантазія склонна придавать жизнь явленіямъ природы и переноситъ на нихъ свойства людей и животныхъ. Наблюдая молодой мѣсяцъ на небѣ, человѣкъ въ воображеніи называетъ рога его острыми зубами (клыками), а когда явились зубы, явился и песь. Этотъ небесный песь принадлежитъ солнечному богу, который отдыхаетъ ночью, поставивъ вѣрнаго пса караулить свое жилище: какъ собака стережетъ ночью жилище хозяина, такъ и мѣсяцъ съ высоты неба наблюдаетъ за сномъ человѣка. Между гимнами Ригъ-Веды находимъ мы одинъ (VII 55), посвященный владыкѣ жилища (*vāstošpati*). Этотъ владыка жилища представляется небеснымъ псомъ *Sārameya* (сыномъ собаки Сарамы), и авторъ гимна проситъ его благосклонности. Вотъ въ переводѣ нѣсколько стиховъ этого довольно темнаго гимна:

1. О всеблагой Вастошпаті, всѣ образы мѣняющій!
Будь благосклоннымъ другомъ намъ!
2. Когда, златой Сарамы сынъ,
Показываешь зубы ты,
Тогда князья острые
Въ твоихъ сверкаютъ челюстяхъ. Засни!
3. На вора лай, Сарамы сынъ!
И на злодѣя нападай.
Зачѣмъ на Индровыхъ пѣвцовъ,
На насъ такъ злобно лаешь ты? Засни!
4. Терзай свинью и пусть тебя **)

*) VI, 80, I. Ср. *Śat. Brāhmaṇa* 11, 1, 5, 1. и Weber. *Naxatra*, II, 372.

**) Подъ свиньей (*śūkara*) разумѣется, впрямую, сила враждебная мѣсяцу, сила мрака, заставляющая его уменьшаться въ объемѣ. Во время нарастанія мѣсяцъ одолеваетъ свинью, во время ущерба одолевается ею.

- Она терзаетъ въ свой чередъ!
 Зачѣмъ на Индровыхъ пѣвцовъ
 На насъ такъ злобно лаешь ты? Засни!
 5. Пусть мать спитъ, пусть спитъ отецъ,
 Пусть спитъ хозяинъ, пусть спитъ пещъ;
 Пусть крико спитъ всѣ родичи,—
 Пусть спитъ весь этотъ людъ вокругъ.
 6. Тотъ, кто сидитъ, и кто идетъ,
 И всякъ, кто ночью видитъ насъ,—
 Ихъ очи замыкаемъ мы,
 Какъ запираемъ этотъ домъ!
 7. Всѣхъ женъ, что на кроватяхъ спятъ,
 Иль на носилкахъ, на скамьяхъ,
 Всѣхъ женъ благоухающихъ
 Молитвой усыпляемъ мы.

Этотъ гимнъ по характеру своему напоминаетъ народныя заклина-
 нія Atharva-Веды и вѣроятно употреблялся какъ заговоръ, чтобы
 нагнать сонъ.

Мѣсяцъ не только представлялся домашнимъ псомъ, сторожемъ, но
 и охотничьимъ. Замѣняя на небѣ своего хозяина—солнечнаго бога,
 онъ бродитъ ночью, отыскивая похищенныхъ демономъ мрака свѣт-
 лыхъ коровъ, въ образѣ которыхъ Индусы олицетворяли лучи разсвѣта.
 Раннимъ утромъ небесная собака Сарама отыскиваетъ гору, въ ко-
 торую демоны мрака загнали коровъ, приносить извѣстіе объ этомъ
 богу Индрѣ и онъ поражаетъ и разгоняетъ похитителей. Этотъ мифъ
 изображается въ Ригъ-Ведѣ (X 108), въ разговорѣ между Сарамой,
 посланницей Индры, и злыми духами Панисами.

П А Н И С Ы .

Что ищешь ты, Сарама, въ этомъ мѣстѣ?
 Вѣдь путь сюда далекъ и недоступенъ.
 Кто посылалъ тебя? Какимъ путемъ брела ты?
 Какъ перешла ты черезъ воды Расы *)?

С А Р А М А .

Сюда пришла посланницей я Индры,
 Желая вашихъ, Панисы, сокровищъ:
 Онъ спасъ меня отъ страха переправы,
 И счастливо прошла я воды Расы.

*) Rāsa (Rasā)—молоческая рѣка, подъ которой, можетъ быть, надо разумѣть утреннюю
 росу, такъ какъ дѣйствіе происходитъ раннимъ утромъ.

П А Н И С Ы .

Но кто твой Индра и каковъ онъ съ виду,
 Чьей вѣстницей пришла ты издалека?
 Пусть онъ придетъ,—его мы примемъ другомъ,
 Пусть пастыремъ коровъ онъ нашихъ будетъ.

С А Р А М А .

Не знаю я, чтобъ могъ онъ быть осиленъ,
 Осилить онъ, чьей вѣстницей пришла я.
 Не поглотить его глубокіе потоки,
 И вы падете подъ ударомъ Индры.

П А Н И С Ы .

Коровъ тѣхъ, что ты ищешь, дорогая,
 Предѣлы неба облетѣвъ, Сарама,—
 Кто ихъ захочетъ уступитъ безъ боя?
 Вѣдь и у насъ оружія не тупы!

С А Р А М А .

Не одолѣть вамъ, Панисы, словами:
 Будь ваше тѣло и неуязвимо,
 И пусть дорога къ вамъ и недоступна,—
 Не скалитесь Бригаспати *) надъ вами.

П А Н И С Ы .

Внутри горы сокровище, Сарама!
 Оно полно коровъ, коней, богатства,
 Его хранить Панисовъ зоркихъ стража;—
 Напрасно ты пришла къ пустому мѣсту.

С А Р А М А .

Придутъ сюда пѣвцы въ напѣи Сомой **),
 Аясн, Ангирасы, Навагвы,
 Загонъ коровъ между собой раздѣлятъ:
 Въ своихъ рѣчахъ раскаются Панисы.

*) Brihaspati—владыка молитвы—божество, являющееся иногда помощникомъ Индры, см.
 RV. II, 23, 18.

**) Имена древнихъ предковъ, обоготворимыхъ Индусами.

ПАНИСЫ.

Вѣдь все же ты пришла сюда, Сарам,
 Божественнымъ вѣльнямъ погоряясь;
 Не уходи, сестрой ты нашей будешь,
 И часть коровъ дадимъ тебѣ, благая!

САРАМА.

Не вѣдаю я ни сестеръ, ни братьевъ.—
 Ангирасы и Индра это знаютъ;—
 Боровъ они хотѣли, какъ пошла я:
 Отсюда прочь, Панисы, уходите!

ПЪВЕЦЪ.

Далеко прочь, Панисы уходите
 И пусть коровы выйдутъ чередою!
 Бригаспати нашелъ сокрытыхъ, Сома,
 Прессъ каменный и мудрые брахманы *).

Ночь вызвала въ младенческомъ воображеніи представленіе о смерти и загробномъ мірѣ. Лунное божество часто становится въ мифологии божествомъ смерти, а звѣзды, окружающія его толпами, представляются душами усопшихъ людей. Поэтому и лунный песнь получаетъ загробный характеръ и становится стражемъ міра усопшихъ, какъ греческій Керберъ или эранскія собаки, охраняющія мостъ Чинувать. Къ этой роли собаки повели нѣкоторые наблюденія надъ ея привычками: ся вой по ночамъ наводилъ людей на мысли о смерти и считался предсказаніемъ близкой кончины хозяина, или кого нибудь изъ членовъ семьи. Въ томъ же смыслѣ объяснялась и привычка собака рыть ямы. Въ мифологии разныхъ народовъ собака является вѣстницей смерти. Германскія норны, соответствующія греческимъ паркамъ, сопровождалась собаками **); у Грековъ собака была животнымъ страшной Гекаты и приносилась ей въ жертву ***); на древнихъ саркофагахъ собака изображалась какъ вѣстница смерти ****). Египетская лунная богиня Бубастисъ, родственная Изидѣ, была сопро-

*) Священный напитокъ Сома, приготовлявшійся изъ *Asclepias acida*, приносился въ жертву Индрѣ и возбуждалъ его къ борьбѣ съ демонами мрака; поэтому здѣсь онъ является вмѣстѣ съ каменнымъ прессомъ, выжимавшимъ его, помощникомъ Индры.

**) Wolf. Beiträge zur Deutschen Mythologie, II, 195 и Grimm. D. Myth. 381.

***) Creuzer. Symbolik. II, 256 слѣд.

****) Bachofen. Gräbersymbolik. p. 113.

вождаема собаками *), а богъ Тхотъ (Техути), соответствующій греческому Гермесу, въ роли проводника душъ въ царство тѣней, изображался съ головой кинокефала **). Представленіе объ адскомъ псѣ, известное изъ мифологии греческой и эранской, встрѣчается и у другихъ народовъ. Гуроны (въ Америкѣ) думаютъ, что черезъ рѣку смерти перекинуть стволъ дерева, по которому должны переходить мертвые; собака, охраняющая этотъ стволъ, бросается на души и нѣкоторые изъ нихъ падаютъ въ воду ***). Точно также по мнѣнію многихъ народовъ собаки имѣютъ способность видѣть духовъ, невидимыхъ людямъ, и обнаруживаютъ это всемъ.

Въ скандинавской мифологии богиня смерти Гела (Hel), обходящая землю, высматривая себѣ жертву, видима для собакъ ****). Римляне думали, что собаки женскаго пола перваго помета способны видѣть фавновъ ночью и прогонять ихъ лаемъ *****). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи подобныя собаки также слышатъ духовидцами *****). Въ Одиссеѣ (XVI, ст. 160—163) говорится, что Телемакъ не видѣлъ Аеини, которая стояла подлѣ него, но ее видѣли собаки:

Не вѣсмъ намъ боги открыто являютоя, но Одиссей могъ очами

Ясно увидѣть ее и собаки увидѣли также:

Лаять не смѣя онѣ, занижая, со двора нобъжали.

Евреи и мусульмане, говоритъ Тэйлоръ, услышавъ вой собакъ, знаютъ, что онѣ увидѣли ангела смерти, вышедшаго на свое страшное дѣло *****). Въ Россіи это свойство приписывается обыкновенно двумъ породамъ собакъ: ярчку и у которой во рту волчій зубъ, а подъ шкурой скрыты двѣ змѣи-гадюки,—она чувствуетъ чорта и наноситъ вѣдьмамъ неисцѣлимые раны; во вторыхъ, двоеглазкѣ—черношерстной собакѣ, имѣющей надъ глазами два бѣлыхъ пятна, которыми и усматриваетъ она всякую нечистую силу *****). Любопытно то, что это простонародное русское вѣрованіе въ свойства двоеглазки восходитъ къ незапамятной старинѣ и составляетъ общее достояніе индоевропейскихъ народовъ. Полную аналогію русской двоеглазкѣ находимъ мы въ четырехглазыхъ псахъ, упоминаемыхъ въ Ригъ-Ведѣ и Зендавестѣ. Индусскій богъ смерти Яма имѣетъ двухъ четырехглазыхъ

*) Creuzer. Symbolik. II, 570.

**) Hermes Trismegistos, nach aegyptischen und orientalischen Ueberlieferungen, dargestellt von Dr. R. Pietschmann, 1875.

***) См. Тэйлоръ, Первобытная культура, II, 163 русс. перевода.

****) Grimm. Deutsche Mythol. p. 632.

*****) Hartung. Religion der Römer, II, 184.

*****) Аванасьева, Поэтич. Воззрѣніи, I, 734.

*****) Тэйлоръ, Первобытная культура, II, 234.

*****) Аванасьева, Поэтич. Воззрѣніи I. с.

псовъ, которыхъ онъ посылаетъ на землю за душами людей. Въ одномъ похоронномъ гимнѣ Ригъ-Веды *), посвященномъ богу Ямѣ, находимъ слѣдующіе стихи, которыми поэтъ напутствуетъ усопшаго въ царство мертвыхъ:

Прямь путемъ бѣги поспѣшно мимо
 Четырехглазыхъ, пестрыхъ псовъ Сарамы,—
 Ступай отсюда къ предкамъ благосклоннымъ,
 Которые ликуютъ вмѣстѣ съ Ямой.
 Тѣмъ псамъ твоимъ, четырехглазымъ стражамъ,
 Чтѣ стерегутъ людей и путь, о Яма,
 Имъ поручи его, о царь! и счастье,
 И здравіе ему даруй ты щедро.
 Съ широкой мордой, ачьиные до жизни,
 По людямъ ходить Ямы два посла,—
 Пусть намъ дозволить долго видѣть солнце
 Они—и счастье на землѣ даруютъ!

Индусскій комментаторъ говоритъ, что четырехглазка (çaturakṣa)—такая собака, у которой надъ каждымъ глазомъ по глазовидному пятну **); слѣдовательно, четырехглазка—то же, что наша двоюглазка. Изъ приведеннаго стиха еще нельзя вывести, какими свойствами обладаютъ четырехглазые псы Ямы, но одинъ замѣчательный заговоръ народной Атарва-Веды ***) на нашъ взглядъ, не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что у Индусовъ было то же представленіе, какъ у Славянъ. Заговоръ обращенъ къ какой-то травѣ, надѣлющей способностью видѣть все сокровенное и открывать колдуновъ: три неба, говоритъ заклинатель, три земли, шесть странъ свѣта и всѣ существа да увижу я чрезъ тебя, о божественная трава! Тебя вложилъ въ мою десницу тысячекій богъ и чрезъ тебя я вижу все—и судру и арійца. Покажи мнѣ колдуновъ и вѣдмъ (yātudhānān и yātudhānuṣān) и вѣхъ бѣсовъ (пишачевъ). Ты глазъ Каśьяпы и четырехглазой собаки (çapuyāçça çaturakṣūṣān) и т. д. Каśьяпа—божественная личность, по видимому, одно изъ представленій высшаго божества, Праджapati; во множ. числѣ, Каśуарā—духи, стоящіе въ связи съ круговращеніемъ солнца. И такъ, глазъ солнечнаго духа и собаки четырехглазой обладаютъ одинаковою зоркостью, а этотъ глазъ сравнивается съ травой,

*) Rig-Veda X, 14 гимнъ, часто разбиравшійся учеными. См. статью Poth о Джемидѣ въ Zeit. der D. Morg. Ges. IV, 426. Haug. Essays on the sacred language etc. of the Parsees, p. 234. M. Müller, Lectures, II, 515. Muir-Original Sanskrit Texts, V, 292, и слѣд. Geldner und Kagi—70 Lieder des Rigveda, p. 146.

**) См. Böhtlingk und Roth. Sans. Wörterbuch s. v. çvan.

***) Ath. Veda, IV, 20 издан. текста Roth'a и Whitney'н, 1856, стр. 63.

дающей способность видѣть злыхъ духовъ. Слѣдовательно, ведійскій четырехглазый песъ и въ этомъ свойствѣ тождественъ съ русскимъ.

Поклонники Агурамазды также знали четырехглазую собаку. Въ восьмомъ фаргардѣ Вендидада, главной части Зендавесты, упоминается собака çathruçāṣṭa, — четырехглазка, прогоняющая злыхъ духовъ своимъ присутствіемъ. «Творецъ! спрашиваетъ Заратустра (38):—когда на дороги выносятъ мертвыхъ собакъ и мертвыхъ людей (39), то какъ по этимъ дорогамъ ходить мелкому и крупному скоту, мужамъ и женамъ, огню, сыну Агурамаздову, или баресмѣ *), связанному съ чистотою?» (40) Тогда молвилъ Агурамазда: «да не ходить по этимъ дорогамъ ни мелкій, ни крупный скотъ, ни мужи ни жены, ни огонь, сынъ Агурамаздовъ, ни баресма, связанный съ чистотою (41). Собаку желтую, четырехглазую (сравнемъ заиртемъ çathruçāṣṭem), или бѣлую желтоухую (42), трижды по этимъ дорогамъ да проведутъ (43). Чрезъ прохождение, о святой Заратустра! собаки желтой четырехглазой, или бѣлой желтоухой (44), эта друсь Насусъ **) убѣгаетъ къ сѣвернымъ странамъ» и т. д.

И такъ, русская двоюглазка имѣетъ обширное родство въ Индіи и Франціи и существованіе обѣихъ повѣрья на Руси представляетъ разительный примѣръ стойкости народныхъ вѣрованій.

Стараясь выяснитъ мотивъ древняго представленія мѣсяца небеснымъ псомъ, мы указали на то, что въ рогахъ молодого мѣсяца народное воображеніе видѣло зубы, и затѣмъ къ зубамъ прибавило пса. Что рога мѣсяца считаются зубами,—это не предположеніе, а фактъ, который можетъ быть засвидѣтельствованъ народными повѣрьями. Зубы мѣсяца считали, такъ сказать, образцомъ чистыхъ, крѣпкихъ зубовъ, и обладатель ихъ никогда не страдаетъ отъ зубной боли. Напротивъ, мѣсяцъ ищѣляетъ зубную боль у людей, награждая ихъ такими же крѣпкими зубами. Это вѣрованіе было у Индусовъ, какъ можно догадаться изъ одного стиха Магабхараты, приводимаго въ Петербург. Словарѣ. Индусы употребляли для чистки зубовъ кусочки дерева, которые они грызли: они думали, что грызенье дерева укрѣпляетъ зубы **). Эти деревянные чурки назывались dantakāṣṭha,—зубная чурка. Подъ этимъ словомъ въ Петербург. Словарѣ приводится такой стихъ изъ Магабхараты (13, 6058): кто будетъ грызть зубную чур-

*) Баресма называютъ пучекъ вѣтвей финиковаго, гранатоваго или тamarinскаго дерева, которыя срываются съ известными обрядами, связывались въ вѣнчикъ и держались въ левой рукѣ во время молитвы.

**) Друсь Насусъ—демонъ женскаго пола, вселяющійся въ тѣло мертвецовъ.

***) Русскіе знахари совѣтуютъ страдающему зубами грызть рябину, со словами: «рябина, рябина, вылчи мои зубы, а не вылчишь—всю тебя изгрызу». Майковъ. Великорусскія заклинанія стр. 38.

ку въ новолуніе, тотъ неразумень *). Стихъ становится понятенъ, если мы вспомнимъ, что въ новолуніе мѣсяца вѣтъ на небѣ и, слѣдовательно, онъ не можетъ содѣйствовать укрѣпленію зубовъ, хотя бы человѣкъ и грызъ дантакашту. Ясное свидѣтельство о зубахъ мѣсяца и связи его съ зубами людей находимъ въ русскихъ заговорахъ отъ зубной боли. Въ большинствѣ изъ нихъ больной обращается къ мѣсяцу съ просьбой—избавить его отъ гнилага зуба. Приведемъ нѣкоторые, болѣе интересные:

А когда увидишь молодой мѣсяць (говорится въ одномъ рукописномъ лѣчебникѣ Румянцевск. музея, № 696 листъ 104), и ты съ того мѣсяца (мѣста?) не ходи, и смотри на мѣсяць и говори трижды: младъ еси мѣсяць, болятъ ли у тебя зубы? И у млада мѣсяца зубы не болятъ: такъ бы у меня раба Божія (имярекъ) зубы не болѣли отъ молада до молада, на ветхій и ущербъ.

Что зубами мѣсяца называются его рога, видно изъ слѣдующаго малорусскаго заговора: молодикъ, молодикъ! Въ тебе роги золоты: твоимъ рогамъ не стоять, моимъ зубамъ не болѣть **). Мѣсяць можетъ дать человѣку крѣпкіе зубы: «пришелъ старый мѣсяць къ новому и говоритъ: возьми у раба Божія (имярекъ) рѣпной зубъ, а дай ему костяной.» Таковъ заговоръ произносимый въ Воронежской губерніи во время новолунія, при чемъ страдающій зубами прижимаетъ больной зубъ указательнымъ пальцемъ ***). Обыкновенно обращаются къ молодому мѣсяцу съ подобной просьбой, и это понятно, потому что у молодого только есть зубы (рога), а не у старого. Иногда высказывается пожеланіе, чтобы не болѣли зубы, какъ не болить они у мертвеца, причемъ все-таки обращаются къ мѣсяцу. Такъ въ Подольской губерніи записанъ слѣдующій заговоръ: «Місяцю новый, питайся старого, чи болятъ зубы у вмерлаго. Не болятъ. Нихай же и мене не болятъ, хрещенаго, пороженаго» ****). Масса подобныхъ заговоровъ къ мѣсяцу, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что вѣрованіе въ связь мѣсяца съ зубами восходитъ къ глубокой старинѣ и вѣроятно составляло достояніе всѣхъ индо-европейскихъ народовъ.

Въ вышеприведенныхъ народныхъ повѣрьяхъ собака приводится въ связь съ загробнымъ міромъ. Къ этой категоріи мифическихъ собакъ относится индусская Сарамъ и пемъ бога Ямы, греч. Керберъ,

египетскій песьеголовый Тхотъ и др. Къ такимъ представленіямъ о собакѣ повело, какъ мы предположили, наблюденіе надъ ея привычками—рыть ямы и выть по ночамъ. Но собака, преслѣдующая для человѣка дичь на охотѣ, славилась своимъ быстрымъ бѣгомъ. Человѣкъ уже рано пользовался этимъ свойствомъ ея и старался его развивать. Индоевропейскія названія собаки—санскр. *сван*, греч. *κίων*, лат. *canis* и т. д.—сводятся къ глагольному корню, выражающему быстроту, такъ что *сван* значитъ собственно «быстрый». Отсюда естественно, что собака является въ мифологіи олицетвореніемъ быстрога явленія природы, именно вѣтра. Эту роль она играетъ преимущественно въ германской мифологіи. Въ норвежской загадкѣ, вѣтеръ изображается подъ видомъ собаки: «Отгадай, что это такое: стоитъ собака на стеклянной горѣ и лаетъ на море». Разгадка: вѣтеръ *). Нѣмецкіе мифологи видятъ въ собакахъ Дикаго Охотника (*Hackelberg'a*, *Wuotan'a*) олицетвореніе вихрей, сопровождающихъ бурю. Подобно тому, какъ сильный вѣтеръ ублажаютъ, выставляя ему мѣшокъ съ мукою, такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи приносятъ тотъ же кормъ собакамъ Дикаго Охотника **). По одному дитмарскому преданію, Дикій Охотникъ обреченъ проклятіемъ вѣчно охотиться, а его жена и дѣти обратились въ собакъ ***). Подобное же преданіе рассказываетъ о женскомъ типѣ Дикаго Охотника—*Frau Gode* (*Gauden*, *Verhta*). У ней было 24 дочери, которыя такъ же страстно любили охоту, какъ она сама. Однажды, гоняясь за дичью, онѣ, въ восторгѣ отъ удачной охоты, промолвили: охота лучше царствія небеснаго! Вдругъ дочери обратились въ собакъ, а мать вѣчно должна носиться въ воздухѣ, преслѣдуя съ ними дичь ****). Въ Помераніи собаки Вода (Дикаго Охотника) считаются душами самоубійцъ, или людей, продавшихся чорту *****). Иногда отъ своры Дикаго Охотника отстаетъ собака, обыкновенно чернаго цвѣта, и забѣгаетъ въ крестьянскую избу. Это бываетъ на святахъ, когда всего чаще суетливый народъ видитъ по ночамъ дикую охоту. Собака скучаетъ, не признаетъ людей, цѣлый день лежитъ у очага и ѣсть одну золу; затѣмъ—вдругъ исчезаетъ съ радостнымъ лаемъ, когда случайно пронесится надъ избою снова дикая охота. Въ Чехіи одинъ охотникъ случайно видѣлъ въ лѣсу, во время грозы, Дикаго Охотника съ его собакой, которая лаемъ заглушала раскаты грома *****). Тамъ же въ

*) *Mannhardt-German. Mythen*, 1858, стр. 217.**) *Kuhn-Nordd. Sagen*, p. 70.***) *Mannhardt*, о. с. p. 300.****) *Ibid.* p. 300.*****) *Ibid.* p. 301.*****) *Grohmann—Sagenbuch von Böhmen u. Mähren* 82.*) *Dantakāṣṭham tu yaḥ khāded amāvāsyām abiddhuman.*

**) Еремьенко, Сборникъ малороссійскихъ заклинаній. Чтен. въ Общ. Ист. и Др. 1874, отдѣльн. оттиска стр. 6.

***) Майковъ, — Великорусскія заклинанія, 1869, стр. 38.

*****) Сельскіе чары и заговоры по Подольской губ. М. Б. стр. 3.

селенія Козидирекъ одна вдова, возвратившисьъ домой съ поля, нашла на порогѣ своей хижины большую сѣрую собаку съ черными пятнами, съ блестящими глазами и высунутымъ языкомъ. Женщина гнала собаку, но та не трогалась съ мѣста и осталась до утра. Утромъ вдова бросила ей кусокъ хлѣба, но собака обнюхала его и не тронула. Случайно на полъ просыпалась зола—и собака стала подбирать ее съ жадностью. Видя это, женщина поставила собакѣ цѣлый чугунокъ золы, и собака, съѣвъ все, три раза прыгнула предъ очагомъ и убѣжала. Кусокъ хлѣба, брошенный собакѣ, обратился въ чистое золото *).

Преданіе о богахъ, сопровождаемыхъ собаками, принадлежитъ къ кореннымъ индоевропейскимъ вѣрованіямъ, которыя можно прослѣдить по мѣтологіи Индусовъ, Германцевъ и Славянъ. Съ принятіемъ христіанства, какъ извѣстно, на христіанскихъ святыхъ наслоились въ народѣ черты прежнихъ боговъ, а вмѣстѣ съ этими чертами явилась и спутница прежнихъ боговъ—собака. Какъ германскій Воданъ-Гакельбергъ, или Дикій Охотникъ, имѣть въщю собаку, такъ народное преданіе, сохранившееся только въ намекахъ, приписываетъ такую собаку св. Петру **). Собака сопровождаетъ также св. Роха, котораго призываютъ для изгнанія чумы. Собака придана ему потому, что имѣть свойство видѣть чуму издалека. Простой народъ въ Польшѣ рассказываетъ, что собака бросается на чуму, стараясь ее схватить, а чума дразнитъ ее, выставляетъ ей ногу и кричитъ: куси, куси ногу ***)! Какъ Frau Gode (Frau Harke)—одно изъ именъ богини Фрики (Frū Frick)—идетъ въ сопровожденіи собаки, такъ и за Св. Дѣвой Маріей, которой народное суевѣріе придало черты древней богини, слѣдуетъ бѣлая собачка ****). На одномъ кладбищѣ въ Баденѣ, рассказываетъ мѣстное преданіе, собака вырыла лапами колодезь, въ которомъ нашли деревянную статую Богоматери. На этомъ мѣстѣ построили часовню, въ которую помѣстили статую, и часовня съ колодеземъ была названа Mariabrunn *****). Подобнымъ же наслоеніемъ языческихъ преданій на христіанскія личности объясняется изображеніе св. мученика Христофора на древнѣйшихъ иконахъ. Какъ извѣстно, его писали съ песьей головою, по поводу чего св. Дмитрій Ростовскій въ Розыскѣ (II, 24 гл.) говоритъ: «неразумніи иконописцы обыкоша негѣлая писати, якоже св. мученика Христофора съ песью главою, а свв. мученикъ Флора и Лавра съ лошадьми, яже суть не-

*) Ibid. p. 236.

**) См. объ этомъ Wolfa Beiträge z. D. Myth. II, 414.

***) Wojcicki 58.

****) Wolf—Beiträge II, 414.

*****) Ibid. 415.

былица». Древній толковой подлинникъ гр. Строгонова даетъ такое предписаніе о св. Христофорѣ: «глава песья, во бронѣхъ, крестъ въ рукѣ, а въ другой мечъ въ погнахъ; исподъ празелень *). Не входя въ подробности, замѣтимъ, что «сія негѣлая неразсудныхъ иконописцевъ» объясняется тѣмъ, что св. Христофору придали черты древняго бога Громовника. Мы видѣли, что индусскій Индра, германскій Вуотанъ имѣютъ въ щихъ собакъ: на св. Христофора, какъ доказали нѣмецкіе ученые **), народъ на западѣ перенесъ свойства древняго громовника Тора. Вѣроятно, подобный мѣтологическій процессъ былъ и у насъ, только съ тою особенностью, что спутница бога, собака, слилась съ этимъ богомъ въ одинъ образъ песьеголовца. По крайней мѣрѣ, другаго объясненія мы не знаемъ.

Подъ вліяніемъ христіанства, возрѣнія народныя на собаку должны были существенно измѣниться. Прежніе языческіе боги обращаются въ злыхъ духовъ, демоновъ, свѣтлый Одинъ сталъ дикимъ охотникомъ, подземный богъ Плутонъ принялъ характеръ простонароднаго чорта, граціозныя водяныя нимфы стали вѣдьмами. Собака и въ языческомъ періодѣ стояла близко къ загробному міру; понятно, что вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанскихъ идей она должна была получить еще болѣе мрачный характеръ. Въ видѣ пса, обыкновенно чернаго, является нечистая сила на соблазнъ людей; въ такомъ видѣ являлся дьяволъ св. Феодосію, какъ повѣствуетъ житіе, и когда святой «восхотѣ ударити его—и се невидимъ бысть». Нельзя не вспомнить при этомъ и о черномъ пуделѣ средневѣковаго Фауста.

Нашъ народъ не высоко ставитъ собаку: собака, по его мнѣнію, животное нечистое и проклятое Богомъ; свою шкуру получила она отъ дьявола за измѣну. Господь Богъ, рассказываетъ въ народѣ, при- ставилъ собаку голую караулить Ноя праведнаго и не велѣлъ ей никого пускать смотрѣть Ноя праведнаго. Приходить дьяволъ и говорить: пусти меня, собака, Ноя праведнаго посмотри. «Мнѣ Господь не велѣлъ никого пущать». Я тебѣ дамъ шубу на руки и на ноги: придетъ зима—не надо тебѣ избы.—Далъ дьяволъ собакѣ шубу и пустила она его въ Рай. Узнавъ это, Господь проклялъ собаку: «чтобы ты церковный звонъ не слыхала, въ Божій храмъ не ходила ***)!

Этимъ мы окончимъ очеркъ значенія собаки въ мѣтологіи. Мы хотѣли только намѣтить главныя черты, потому что исчерпать всего вопроса нѣтъ возможности въ небольшой статьѣ: этотъ вопросъ го-

*) См. Булаева Историч. Очерки, II, 418.

**) См. Wolf, o. c. I, 98. Zeit. f. D. Mythol., ст. Mannhardt'a, II, 320; III, 118.

***) Аонисевъ, Народн. русск. легенды, стр. 49.

раздо шире, нежели кажется сначала. Не говоря уже о множестве народных сказокъ, въ которыхъ собака играетъ не маловажную роль, — сказокъ важныхъ для миеологии и древней культуры, — собака получила значеніе въ астрономіи: уже въ незапамятныя времена, подобно многимъ древнимъ божествамъ, помѣщена она на звѣздное небо, въ созвѣздія Большаго и Малаго Пса, которыя занимаютъ на небѣ столь же видное мѣсто, какъ и въ народныхъ вѣрованіяхъ. Труднаго и темнаго вопроса объ этихъ звѣздныхъ псахъ мы вовсе не коснулись въ нашей замѣткѣ, предоставляя себѣ остановиться на немъ впоследствии.

